
Публикации. Воспоминания. Сообщения

«Степной волк»

К биографии Бориса Вильде

DOI: 10.31425/0042-8795-2018-4-363-385

Борис Соломонович Каганович

доктор исторических наук

Санкт-Петербургский институт истории РАН

(197110, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7;

email: amabor@mail.ru)

Аннотация. В статье приводятся новые материалы для характеристики русского эмигрантского литератора и героя французского Сопротивления Бориса Вильде (1908—1942): фрагменты из писем матери его жены Мирры Лот-Бородиной и переписки французского писателя Андре Жид.

Ключевые слова: Б. Вильде, И. Лот-Вильде, семья Лот, А. Жид, русская эмиграция, французское движение Сопротивления.

Статья поступила 18.11.2017.

О русском герое французского Сопротивления Борисе Вильде, начинавшем как писатель и расстрелянном оккупантами в 1942 году, в настоящее время существует уже довольно большая литература. Мы знаем о нем теперь значительно больше, чем четверть века назад, когда важнейшим источником сведений о нем в России являлась книга Р. Райт-Ковалевой, написанная в 1970-е годы [Райт-Ковалева 1976; Райт-Ковалева 1982]. Мы располагаем ныне ценными свидетельствами и исследованиями об эстонском периоде его жизни [Исаков 2004]¹, об участии Б. Вильде в литературной жизни русского Парижа 1930-х годов [Варшавский 2010; Яновский 2012], о его работе в парижском Музее человека и подпольной деятельности в период немецкой оккупации [Hogenhuis 2009]. На русский язык были переведены тюремный дневник и письма Вильде [Вильде 2005]², изданы его письма к матери [*Письма...* 2001].

В этом контексте личность Вильде предстает гораздо более сложной, чем это следовало из повествования Р. Райт-Ковалевой. Говоря это, мы менее всего хотели бы преуменьшить заслуги известнейшей советской переводчицы, увлекшейся личностью Вильде и впервые открывшей ее отечественному читателю. Она предприняла обширные разыскания, работала в архивах, встречалась с родственниками Вильде и его знакомыми в Советском Союзе и Франции, и документальная основа ее книги весьма солидна, но по своему жанру книга эта является не научным исследованием, а эмоциональным литературным повествованием. Далеко не обо всем можно было сказать в то время; кроме того, на восприятии достаточно сложной фигуры Вильде не могла не отразиться ментальность автора, советского литератора эпохи оттепели: невольно она «лепила» порой его образ в соответствии с принятыми тогда представлениями и канонами. Теперь, после публикации почти всего наследия Вильде, ясно, что он был далеко не столь «левым» и просоветским, как можно было заключить из повествова-

¹ Вошло в кн.: [Исаков 2011].

² По-французски эта книга выходила в 1988 и 1997 годах.

ния Р. Райт. В жизненной философии Вильде явственны элементы нищезнания, экзистенциализма, христианской и, может быть, буддийской мистики — и менее всего марксизма и коммунизма.

Мы хотели бы дополнить образ Бориса Вильде еще некоторыми деталями на основании источников, которые до сих пор не были использованы его биографами. Один из этих источников — печатный, однако и он остался не замеченным авторами, писавшими о Вильде.

Прежде чем обратиться к первому источнику, напомним (в интересах читателей) основные вехи жизни Вильде. Он родился в 1908 году в Петербурге; после 1917-го мать, урожденная Мария Голубева, уехала с двумя детьми в Эстонию. Семья очень нуждалась, мать бралась за любую работу. Борис окончил гимназию в Тарту, проучился один год в университете, пытался нелегально перебраться на лодке через Чудское озеро в СССР, хотел стать писателем. Задыхаясь в тогдашней Прибалтике, он в 1930 году переехал в Берлин, где немного печатался в русских изданиях и бедствовал. В 1932-м Вильде познакомился с приехавшим в Берлин знаменитым французским писателем Андре Жидом и при его помощи перебрался в Париж. Жид предоставил ему комнату в мансарде своей квартиры на улице Ванно. Хронологию и обстоятельства прибытия во Францию Вильде выяснила Анн Оженюи: он приехал в Париж в начале ноября 1932 года, очевидно, не имея разрешения на проживание во Франции, затем провел некоторое время в Монако и, получив при содействии французского писателя такое разрешение, вернулся в Париж в марте 1933 года³ [Hogenhuis 2009: 41–42].

Т. Милютинна, знавшая Вильде и его семью в Эстонии и встретившая его в Париже, вспоминала: «Он временно устроился у Андре Жида! Я была этим поражена больше, чем появлением Бориса. Андре Жид был тогда самым популярным писателем, властителем дум молодежи и куми-

³ А. Жид даже отдал Вильде один из своих костюмов, благо размеры совпадали.

ром интеллигенции»⁴ [Милютин 1997: 86]. В. Яновский, которого, судя, по тональности его воспоминаний, трудно заподозрить в излишней симпатии к Вильде, писал о нем: «Жил одно время у Андре Жида в мансардной комнате (для горничных), что давало ему несомненное право обозначать свой адрес с/o André Gide⁵ <...> Это составляло почти весь капитал Вильде, с которым он высадился на Гар дю Нор⁶ — адрес Жида. И он выжал из него максимум» [Яновский 2012: 316].

Поскольку Андре Жид был декларированным гомосексуалистом и даже теоретиком гомосексуальной любви, его покровительство очень красивому⁷ и очень бедному молодому человеку не могло не вызвать соответствующих интерпретаций. На это довольно прозрачно намекает в своих воспоминаниях Яновский, а также, возможно, в очень завуалированной и сдержанной форме — Милютин. А. Оженюи замечает, что ничто не указывает на гомосексуальные наклонности Вильде, напротив, он был очень равнодушен к женщинам [Hogenhuis 2009: 38–39]. Мы знаем, что Андре Жид любил дерзких и способных молодых людей «из народа» и помогал им⁸. Оженюи упоминает в этой связи голландца Джефа Ласта; мы могли бы называть еще Жана Малаке (первоначальное имя Владимир Маляцкий), польского еврея, юношей приехавшего во Францию, где он не имел жилья и работал на шахте, написавшего Жиду отчаянно-дерзкое письмо и ставшего при его материальной и моральной поддержке французским

⁴ Воспоминания Т. Милютиной были известны в рукописи Р. Райт-Ковалевой, которая приводит в своей книге соответствующие места.

⁵ Андре Жиду для такого-то (*франц.*).

⁶ Северный вокзал (*франц.*)

⁷ См., например, описание внешности Вильде у К. Авелина: «Вильде был светловолосый, сильный и холодный, владеющий собой атлет, нордический бог» (цит. по послесловию Ф. Бедарида [Вильде 2005: 144]).

⁸ Яновский почему-то — и, на наш взгляд, совершенно незаслуженно — характеризует А. Жида как человека «исключительно скупого и необщительного» [Яновский 2012: 316].

писателем [Gide, Malaquais 2000]. В какой мере в каждом из этих случаев играл роль сексуальный момент, мы судить не беремся. В известном смысле архетипом этих молодых людей может считаться Лафкадио — герой одного из лучших романов А. Жида «Подземелья Ватикана», вышедшего в 1914 году.

Все знавшие Бориса Вильде и писавшие о нем отмечают в его натуре черты бесстрашия и известного авантюризма. «Искателем приключений гумилевского романтического склада» назвал его парижский поэт и критик Г. Адамович (цит. по: [Варшавский 2010: 274]). «Человек бурный и задорный, отмеченный страстью к риску и провокации, одновременно увлекающийся и саркастичный, пылкий и насмешливый, любящий физические нагрузки, радости плоти и все земные удовольствия <...> Авантюрист по рождению и призванию, Вильде вдруг обрел в Сопротивлении жизнь по своей мерке», — пишет о нем Ф. Бедарида [Вильде 2005: 145—146]. Сам Вильде говорил о себе: «Если быть честным до конца, то придется признать, что я был и остаюсь прирожденным авантюристом»⁹. Показательно, что литературный псевдоним Борис Дикой, под которым он обычно выступал в русской печати, является переводом с немецкого его фамилии: wild по-немецки означает «дикий»¹⁰.

Эти характеристики получают подтверждение в переписке А. Жида, но, как ни странно, эти материалы до сих пор не привлекли внимания ни французских, ни тем более русских авторов, писавших о Вильде. Имеем в виду опубликованную почти сорок лет назад переписку Андре Жида с Дороты Бюсси. Англичанка, сестра известного писателя и критика Литтона Стрейчи, она в начале XX века вышла замуж за французского художника и жила преимущественно на юге Франции. Д. Бюсси перевела на английский язык основные произведения А. Жида и была его преданной другом и почитательницей.

⁹ Запись от 18 сентября 1941 года [Вильде 2005: 145—146].

¹⁰ На этот очевидный факт впервые, насколько нам известно, обратила внимание французская исследовательница [Hogenhuis 2009: 16].

Приведем относящиеся к Вильде фрагменты этой переписки¹¹.

В январе 1933 года (точная дата не проставлена) А. Жид писал Д. Бюсси:

Дорогой друг,

эта записка должна представить Вам Бориса Вильде (Wilde), который был моим гостем последние два месяца; не помню уже, когда именно он начал жить у меня, но я все больше привязываюсь к нему, и он кажется мне все более достойным уважения, интереса и любви, которые я чувствую к нему.

Я должен провести некоторое время в Монако и полагаю, что Вы сможете помочь ему при случае хорошим советом. Несомненно, он будет чувствовать себя менее потерянным в чужой стране, если Вы будете благосклонны к нему.

Ваш друг Андре Жид¹²
[Gide, Bussy 1981: 447–448]

В ответном письме от 3 февраля 1933 года Бюсси писала: «Мы видели Вашего протеже Бориса Вильде два или три раза. Более подробно поговорим на эту тему, когда вы приедете к нам» [Gide, Bussy 1981: 448–449].

Через два дня, 5 февраля 1933 года Жид пишет ей:

Дорогой друг,

прелестное по тону письмо Бориса просветило меня и заставило кусать пальцы за то, что я направил его к Вам. Я понимаю, впрочем, что он мог быть ошеломлен, опьянен, оглушен атмосферой Монте-Карло и втянулся в игру. Он признался мне во всем поистине обезоруживающим образом. И в том,

¹¹ Полагаем, что в письме А. Жида к Д. Бюсси от 19 января 1932 года с упоминанием его «протеже», живущего на 6-м этаже, речь идет не о Вильде, вопреки ошибочному предположению комментатора переписки Р. Тедески (см.: [Gide, Bussy 1981: 402]).

¹² Здесь и далее перевод с французского мой. — Б. К.

что он занял у Вас 500 франков (сумма верная?), которые Вы имели любезность дать ему. Я тотчас послал ему 1000 франков, которые позволят ему немедленно вернуть Вам долг... и жить. Я обещал ему, что не скажу Вам об этом, чтобы не ставить его в неудобное положение; но если он не вернет их Вам немедленно и вновь примется играть... между нами все будет кончено. Дайте мне знать, прошу Вас. Вещи усложняются из-за излишней деликатности, и самое простое, самое лучшее — если Вы сообщите мне обо всем. Мне невыносима мысль о том, что Вы пострадаете из-за моего излишнего доверия [Gide, Bussy 1981: 449].

Ответное письмо Бюсси датировано 10 февраля 1933 года:

Дорогой Жид,

наши письма пересеклись. Борис принес деньги вчера. Сожалею, что не могла его видеть, так как лежала в постели с легким недомоганием (сегодня мне лучше). Я сказала, что дала ему взаймы 500 франков из-за слова <достоин> «уважения» в Вашем письме (должна сказать, что в действительности я сделала это из-за слова <достоин> «любви»). Вы напрасно находите невыносимым, что я оказала маленькую услугу человеку, которого Вы цените. Это прелестный юноша — он кажется мне обезоруживающим, как Вы выражаетесь. Не думаю, что его следует очень бранить, я была огорчена за него не потому, что он проиграл деньги, а потому, что ему пришлось их просить. Он не в состоянии объясниться, бедняга. Говоря на своем очень плохом французском, он не смог сказать ничего кроме: «Простите меня».

Трудно, однако, понять истинный «характер» человека, столь чуждого! Он говорит, что чувствует себя азиатом, не европейцем. И я так воспринимаю его и совершенно не представляю, как существо такого рода может вести себя в том, что кажется нам самым простым в моральном отношении случае <...> Но Борис мне очень понравился. В самом деле [Gide, Bussy 1981: 450—451].

В ответном письме Жида от 14 февраля 1933 года читаем:

Дорогой друг,

лучшее, что я могу сделать в ответ на Ваше чудесное письмо, — это сообщить Вам письмо, которое я одновременно получил от Бориса. Мысль, что он может снова прийти и «призанять» у Вас, приводит меня в ужас. Он мне уже много стоил, поскольку я действительно помогал ему всем, чем мог: жилищем, одеждой, питанием и деньгами. Я рад, что смог это сделать, но он не должен привыкать полагаться на другого. Если он снова придет к Вам рассказывать о своих невзгодах, прошу Вас, будьте решительны: дайте ему очень маленькую сумму — на еду. Если дадите больше — он снова пойдет играть [Gide, Bussy 1981: 451–452].

К этому письму приложено следующее письмо Вильде Жиду:

Монако
04.02.1933

Дорогой Андре Жид,

я должен написать Вам. Должен попросить прощения и, конечно, поблагодарить Вас. Но прежде всего должен сказать правду.

Итак: разумеется, я вернул свой долг мадам Бюсси (ибо это она мне помогла) и очень этим доволен (ибо это было для меня довольно мучительным делом). Также я заплатил за гостиницу, а остальную сумму (около 200 франков) проиграл в казино!

Я хорошо знаю, что я глупец и Вы имеете полное основание лишиться моей дружбы и доверия. И если я теперь пишу Вам, то не для того, чтобы оправдаться в Ваших глазах, но только чтобы объяснить Вам свое поведение. Я не хочу, чтобы Вы думали обо мне еще хуже, чем я того на самом деле заслуживаю. Я не одержимый игрок. Совсем нет. Но что мне остается? Я очень старался найти работу — любую — но тщетно. Это невозможно.

Литературная работа? — мне пишут из Германии и Эстонии, что сейчас это не получится (из Эстонии невозможно получить деньги). А во Франции? То же самое. Не так ли? Ве-

роятно, я неспособный, но тут уж ничего не поделаешь. Мне не везет. Моя кузина и то уехала в Африку, и я не смог увидеться с ней.

Не думайте, что я отчаялся. Я привык и «*es macht mir spass*» (это меня развлекает (*нем.*) — Б. К.). Многие не лучше меня — наше поколение. Да, я пытался выиграть деньги в казино (идея, может быть, детская и несомненно жалкая). И я проиграл. Вот и все.

Ну что же — мне наплевать. Нет, это не так, но... Я знаю, что мне надо было бы записаться в Иностранный легион, но я не хочу. Никогда. (Между прочим, меня не возьмут из-за болезни.)

Итак. Я еще не знаю, очень трудно принять решение в этом отчаянном положении. Еще: я хорошо знаю, что никогда не был благоразумным, но на этот раз (в Париже — из-за Ирен, болезни и т. д.) очень хотел быть таковым — и вот!

Мое письмо становится слишком длинным. Извините мой французский язык — он ужасен, это чересчур дерзкое посягательство. Но надеюсь, что Вы меня поймете.

Не судите меня, не принимая во внимание наше время и наше поколение. Прощайте, дорогой Андре Жид! Благодарю Вас за все.

Ваш Борис
[Gide, Bussy 1981: 451–452]

16 февраля 1933 года Бюсси пишет Жиду:

Что касается Бориса, то, учитывая характер этого юноши, безумием было для него поселиться вблизи казино: он не может ступить шагу, не подвергаясь искушению войти туда. Гораздо лучше для него и не так дорого было бы жить в Ницце. Хотя могу себе представить, играть можно где угодно, если ты так устроен. Эта эпоха ужасна для несчастной молодежи. Мне кажется, что он слишком уж легко принимает свое положение... но это меня не касается. Он не пытался снова «подзанять» у меня. Но если попытается, будьте спокойны: я ему ничего не дам [Gide, Bussy 1981: 453].

В письме от 19 февраля Дороти сообщала, что отказалась дать Борису деньги на оплату квартиры, но, поддав-

шись жалости, послала ему 100 франков [Gide, Bussy 1981: 454].

25 февраля 1933 года Жид ответил ей кратким письмом из городка Лаванду в департаменте Вар на Лазурном берегу, в котором писал по поводу Бориса: «Заразительным образом я решил послать ему zum letzten Mahl (в последний раз (нем.). — Б. К.) переводом три банкноты — скорее ради его прелестной “невесты”, чем ради него» [Gide, Bussy 1981: 454—455].

2 марта 1933 года Бюсси пишет Жиду: «Борис нанес нам прощальный визит и вернул деньги, которые я ему посылала. Это действительно обворожительный юноша» [Gide, Bussy 1981: 456].

10 марта 1933 года Жид, вернувшийся в Париж, сообщил ей: «Борис снова устроился у меня» [Gide, Bussy 1981: 459]. Завершая тему, 12 марта Бюсси выразила убеждение, что «для физического и морального здоровья Бориса было бы гораздо лучше поехать работать в деревню, чем оставаться в Париже. Он говорил мне, что имеет такое намерение» [Gide, Bussy 1981: 460].

Но получилось иначе. В деревню Вильде не поехал. В Париже он вывесил в Сорбонне объявление о том, что даст уроки русского языка в обмен на уроки французского. На объявление откликнулась студентка Ирен Лот, дочь известного французского историка-медиевиста, профессора и академика Фердинанда Лота и филолога-романиста Мирры Ивановны Лот-Бородиной, русской, с 1906 года жившей во Франции, очень живой, темпераментной женщины с широкими культурными и религиозно-философскими интересами¹³. Молодые люди понравились друг другу, завязался роман¹⁴. Ирен представила Бориса членам своей семьи.

Приведем здесь цитату из воспоминаний Т. Милютинной:

¹³ См. о них, в частности: [Perrin 1968; Rocques 1957; Micha 1958; Каганович 2017].

¹⁴ Вероятно, это произошло еще в конце 1932 года, вскоре после первого приезда Вильде во Францию, как можно судить по упомина-

Прошло несколько месяцев. Борис Вильде вновь появился в столовой, отозвал меня в сторону и сказал, что в самом недалеком будущем меня будет спрашивать о нем Мирра Ивановна Лот-Бородина, так как я единственная знакомая, знающая его семью. Борис сказал мне, что прекрасно понимает, что я о нем плохого мнения, считаю его авантюристом, человеком, способным на любые выходки, что он совершенно не собирается давить на мою совесть — я могу говорить о нем все, что я думаю. Об одном он только просит меня молчать — о его первоначальном бесславном положении <...> Все же я не удержалась и спросила, по какому поводу Мирра Ивановна им заинтересовалась. Борис ответил, что он является женихом ее дочери. Это было похоже на сказку <...> Я прекрасно понимала, что значит для неприкаянного, бездомного Бориса жениться на такой девушке!..

На следующий день пришла Мирра Ивановна. Она была взволнована, сказала, что Борис вошел в их дом, сразу же покорив все сердца <...> Мирра Ивановна просила меня быть предельно искренней, так как решалась судьба ее дочери, но подчеркнула, что все они уже полюбили Бориса, что его материальная необеспеченность не имеет значения, что направление его ума соответствует передовым взглядам ее мужа. Я собрала все свои душевные силы и стала говорить <...> В глубине души я была убеждена, что ни одна мать не согласится на брак своей дочери с таким странным, как будто с неба свалившимся человеком. Ее реакция поразила меня. Со свойственной ей горячностью она заявила, что все услышанное ее вполне устраивает. Что

ниям Ирен в его письмах к матери и цитированной переписке А. Жида. На наш взгляд, едва ли права Р. Райт-Ковалева, полагавшая, что Ирен Лот откликнулась на объявление Вильде «в надежде увидеть Андре Жида» [Райт-Ковалева 1982: 109]: она принадлежала к такой среде, что при желании могла бы познакомиться со знаменитым писателем и без посредства русского эмигранта. Небезынтересен в этой связи ее позднейший отзыв о Жиде. 11 ноября 1960 года Ирен Лот-Вильде писала своей ленинградской кузине М. Бородинной: «Я не разделяю увлечения молодого поколения Камю, который является не более чем бледной имитацией Жида, который сам уже тоже спорен, но он стоит у истоков всех моральных и интеллектуальных отклонений (deviations)» [*Письма...* 1957–1976: л. 56].

именно такой человек, даже не чуждый известной авантюристике, вполне ей по душе. В июле 1934 г. состоялась свадьба, и на этом закончилась неблагополучная и мало кому известная юность Бориса Вильде [Милютина 1997: 86–87].

Борис Вильде поступает в Сорбонну, изучает там и в Школе восточных языков финно-угорские и японский языки, получает в 1937 году диплом. Еще ранее он начинает работать в Музее человека, проявляет себя как талантливый исследователь, в 1936-м становится французским гражданином¹⁵. Вильде продолжал общаться и с молодыми русскими литераторами, жившими в Париже.

Не любивший Вильде Яновский писал: «Если бы пришлось искать литературного героя, наиболее близкого по душевному складу к Вильде, то я бы назвал Жюльена Сореля из “Красного и черного”» [Яновский 2012: 319]. Гораздо более справедливо и глубоко характеризовал его Варшавский:

На Монпарнасе Бориса Вильде, Дикого, действительно все любили, но вряд ли кто понимал. Любили за открытый, веселый и дружеский нрав. Он никогда не участвовал ни в каких ссорах, легко, даже в годы, когда сам нуждался, давал в долг и никогда потом не напоминал об отдаче. Был верный товарищ. Не понимали, так как он совсем не походил на монпарнасского героя, на одинокого неудачника и мечтателя, перекочевавшего, с удесатерившимся в груди чувством отверженности, из Петербурга в Париж, из «Белых ночей» в романы Поплавского и Шаршуна. Нет, в Вильде не было и тени эмигрантской униженности. Он появился в Париже откуда-то из Прибалтики страшным провинциальным русским мальчиком, «жадным к жизни и счастливым, несмотря на нищету и мировую скорбь». Ум, огромная воля, железная выносливость, смелость и дар нравиться людям открывали перед ним дорогу к завоеванию успе-

¹⁵ Интересные сведения о Вильде и отношении к нему семьи Лоты мы находим в письмах Ф. Лота и М. Лот-Бородиной этих лет к их другу, крупнейшему русскому историку-медиевисту О. Добиаш-Рождественской. См.: [Воронова 1975; Каганович 2017: 416].

ха на любом поприще. Науки давались ему необыкновенно легко. После пьяной бессонной ночи он шел на лекцию или на экзамен с головой совершенно ясной. Уже в тюрьме, в ожидании суда и казни, в течение восьми недель, занимаясь по 2 — по 3 часа в день, он научился по-древнегречески достаточно, чтобы при помощи словаря разобрать любой текст. Но многие друзья Вильде чувствовали, что под этой поверхностью «умного человека», делавшего ученую и житейскую карьеру, в нем было что-то более глубокое и оригинальное, какое-то непосредственное интуитивное знание: как если бы ему что-то приоткрылось в загадке жизни и смерти. Он редко об этом говорил, никогда не вмешивался в монпарнасские беспардонные метафизические споры и не занимался формальной философией. Только по некоторым его замечаниям можно было догадаться об его «идее» [Варшавский 2010: 275].

Вторая группа свидетельств о Вильде и его близких, ценных для его биографа, содержится в письмах М. Лот-Бородиной к сестре, известному ленинградскому историку Инне Ивановне Любименко (1878—1959). Сестры были очень близки и в течение всей жизни поддерживали переписку, которая прерывалась только в годы Второй мировой войны¹⁶. Все сохранившиеся письма Лот-Бородиной, за исключением двух, относятся к послевоенному времени (1945—1957)¹⁷. В них имеется немало упоминаний Вильде, а также постоянно сообщается о разных обстоятельствах жизни дочерей Мирры Ивановны¹⁸.

¹⁶ См. подробнее: [Каганович 2010].

¹⁷ [Письма... 1937, 1945—1957]. Далее ссылки на письма М. Лот-Бородиной даются в тексте с указанием листа в круглых скобках.

¹⁸ Письма эти были известны Р. Райт-Ковалевой. Так, 16 августа 1971 года она писала поэту-реэмигранту Ю. Софиеву: «Я о ней (Ирен. — Б. К.) знаю очень много из писем ее матери Мирры Ивановны к сестре Инне Ивановне» [Рута... 2004]. Однако по понятным соображениям — при жизни Ирен и ее сестер — она почти не приводит их в своей книге.

В первом же ее письме, написанном в самом конце войны, 12 марта 1945 года, читаем:

Теперь вынуждена сообщить тебе, милая дорогая сестра, о постигших нашу семью тяжких испытаниях: твои старшие племянницы, увы, овдовели и обе бездетны <...> Мужья их погибли героями. Борис Вильде расстрелян гестапо 23 февраля 42 г. вместе с семьей товарищами (из коих один также русский¹⁹) после 11 месяцев одиночного заключения. Они едва ли не первые в Париже подняли знамя восстания и получили от самого де Голля la médaille de la Résistance²⁰. Перед смертью Борис написал Ирине изумительное письмо, которое, б. м., спасло ее от отчаяния и потрясло всех, кто его читал. Скоро оно будет напечатано с другими, а также с отрывками из его тюремного журнала, не менее замечательного. Это была совершенно исключительная личность. Муж Марианны Jean-Berthold Mahn пал 23 апреля 44 г. на поле битвы в Италии добровольцем офицером (л. 6).

23 мая 1945 года Мирра Ивановна писала сестре:

Надо верить, что кровавый кошмар окончен навсегда, но построить социально справедливый новый мир — трудная задача во всех государствах <...> Лично я принимаю участие в местной политике, особенно в action sociale Union des Femmes françaises²¹ в Fontenay²², где состою вице-председательницей <...> и с социалистами и с коммунистами отношения у меня самые дружественные, но записалась лишь в Front national de la Résistance²³ и никакой официальной партии не принадлежу. Ирина идет по стопам матери, но главным образом занята épuration²⁴ на месте своей службы в

¹⁹ Имеется в виду молодой этнограф Анатолий Левицкий.

²⁰ Медаль Сопrotивления (франц.).

²¹ социальной деятельности Союза французских женщин (франц.).

²² Семья Лот на протяжении многих десятилетий жила в южном предместье Парижа Фонтене-о-Роз.

²³ Национальный фронт Сопrotивления (франц.).

²⁴ чисткой (франц.). Имеется в виду отстранение лиц, запятнавших себя сотрудничеством с немецкими оккупантами, проходившее в это время во Франции.

Bibl<i>iothèque> Nat<i>onale>. Благодаря Борису она теперь «лицо» (л. 10).

Из письма от 30 января 1946 года:

«Она (Ирен. — Б. К.) сейчас в санатории близ Fontenay (у наших друзей д-ра Le Savouret и его жены, дочери Плеханова²⁵), где отдыхает, взяв месячный отпуск. Ее нервы страшно издерганы, тем более что она взяла на себя вот уже почти два года тяжелую повинность, так наз. *épuration*, исполняя со свойственным ее бурному темпераменту жаром (л. 18).

В письме от 10 мая 1946 года Мирра Ивановна жалуется сестре на характер старшей дочери: «*Irène* страшно упрямая, советов не слушается и болезненно реагирует на все, что касается ее <...> Натура сложная, несчастная, так сказать, органически и более чем замкнутая» (л. 28).

Еще раньше, 20 марта 1946 года Лот-Бородина сообщила сестре: «На днях выйдет в коммунистическом журнале под ред. J. R. Bloch'a "Dialogue de prison" Бориса Вильде со вступительной статьей другого известного писателя. Вещь потрясающая и замечательно написанная по-французски. Постараюсь выслать тебе экземпляр» (л. 23). О том же — через четыре месяца, 22 июля 1946 года:

Скоро выйдет в свет часть тюремного дневника Бориса (по-французски), совершенно изумительный человеческий документ, как и его письма. Особенно поражают здесь две вещи: с одной стороны, невозмутимая ясность духа после 11 месяцев одиночного заключения, с другой, сила оригинальности мысли, вполне самостоятельной и зрелой перед лицом грозящей смерти. Пишет он прекрасно, хотя несколько лет тому назад не говорил по-французски. Да, погиб герой и талантливый и исключительно интересный человек, мой при-

²⁵ Врач-невропатолог д-р Анри Ле Савуре и его жена Лидия, дочь Г. В. Плеханова, возглавляли санаторий нервных болезней под Парижем.

емный сын, писавший нам из Финляндии в 38 г., что чувствует себя в нашей семье не зятем, а сыном. Но счастливым я не назову их брака. Марианна и Jean-Berthold Mahn, напротив того, были идеальная пара, и поэтому я еще больше скорблю о его гибели, хотя лично мне он был довольно чужд (л. 35).

Из письма 10 сентября 1946 года: «В журнале “Europe”, редактором которого состоит J. R. Bloch (племянник покойного Sylvain Lévi²⁶, убежденный коммунист, прошедший годы оккупации в СССР), напечатан тюремный “диалог” Бориса; я пришлю тебе на днях номер²⁷» (л. 37). Заметим, что Лот-Бородина, вполне представлявшая себе характер сталинского режима (она была хорошо знакома с Н. Бердяевым, Г. Федотовым и другими русскими эмигрантскими мыслителями и сама сотрудничала в журнале «Путь»), в своих письмах к сестре в советский Ленинград акцентировала свою «прогрессивность» и дружеские отношения с французскими коммунистами²⁸.

31 декабря 1946 года:

Сейчас содружество русского Резистанс при поддержке Союза советских патриотов печатает особой брошюрой биографию, отрывки из тюремного дневника и письма нашего героя и мученика Бориса Вильде²⁹. Я тебе вышлю ее, поймешь, какой это был замечательный человек: исключительно сильная и вместе сложная и загадочная натура. Как это ни странно, но я понимаю его лучше Ирины, и он мне становится с го-

²⁶ *Сильвен Леви* (1863–1935) — известный французский индолог, друг Ф. Лота.

²⁷ Речь идет о публикации [Vildé 1946] с предисловием Клода Авелина (Claude Aveline).

²⁸ Ср. в письме от 21 июня 1946 года: «Я, кажется, уже писала тебе, что подруга Марианны, дочь известного коммуниста-писателя J. R. Bloch (он был в Москве во время войны и говорил в радио) была также расстреляна в Германии» (л. 56–57).

²⁹ Вероятно, имеется в виду издание: [Вильде 1947].

дами все ближе. Их брак не был счастлив, потому что такие люди не созданы для жизненной нормы и очага³⁰. Но о другом замужестве она и не помышляет (л. 45).

12 ноября 1947 года: «Как хорошо, что книга Диди³¹ и брошюра о р<усском> Резистансе наконец дошли до тебя <...> Ирина сейчас спокойнее, вся ушла в новую общественную деятельность; она а été élue³² на выборах в Fontenay и теперь активный член нашего муниципального совета» (л. 65).

Вновь о Борисе Вильде речь заходит в письме от 8 ноября 1949 года:

В настоящий момент все мы взволнованы процессом предателя qui a livré tout le réseau du Musée de l'Homme³³ 8 лет тому назад... Человек за деньги предал гестапо своих товарищей по Резистансу³⁴ <...> Улики налицо, но суд присяжных благодаря защите ловкого адвоката приговорил его только к пожизненной каторге. Лично я как христианка против смертной казни, и все-таки с социальной точки зрения такой Иуда ее заслуживал <...> Борис никогда не испытывал ненависти ни даже к своим палачам, по собственному признанию, хотя был скрытно очень страстным человеком. Память его — моего приемного сына — для меня по-прежнему бесконечно дорога, и мне часто кажется, что он мне был ближе, чем Ирине, которая быстро разочаровывается в людях (л. 107—108).

22 февраля 1952 года:

«Завтра день молитвы и печали, завтра память рокового дня» (Тютчев) — расстрел Бориса, моего блудного героя сына.

³⁰ В одном из писем Лот-Бородина сообщала сестре, что перед войной одно время Ирен даже собиралась развестись с мужем.

³¹ Имеется в виду Ф. Лот (Диди — уменьшительное от Фердинанд).

³² была избрана (*франц.*).

³³ который выдал всю сеть Музея человека (*франц.*).

³⁴ Имеется в виду Альбер Гаво.

10-летие его трагической смерти, а я на могилу его не могу проехать... Ирина, правда, не любит, когда кто-нибудь с ней бывает на кладбище, но сама ездит туда очень редко — в нашей семье нет культа могил, во Франции столь распространенного (л. 143).

Отношения матери с дочерьми, особенно с Ирен, были достаточно сложными. В письме от 9 июля 1950 года читаем: «Ирина совершенно безрелигиозна — в отца — и б<ыть> м<ожет>, оттого так трудно несет свой крест»³⁵ (л. 124). 19 августа 1952 года: «Ирина совсем особенный человек, и у нее большая психика после расстрела мужа оккупантами» (л. 150). 15 мая 1955 года: «Ирины я не видела ровно год» (л. 185).

Отношения смягчились лишь в самый последний период жизни Мирры Ивановны, когда она тяжело заболела. 1 декабря 1956 года, за полгода до смерти, она писала сестре:

Только смертельная опасность моего состояния здоровья вернула мне наконец сердце моей Irène. Сейчас она сияет вновь проснувшейся любовью ко мне, и я самая счастливая мать, окруженная исключительной нежностью всех трех моих дочерей. Они ежедневно, несмотря на служебные обязанности, были у меня те 18 дней, которые я провела в клинике... Вместе с тем у меня теперь новая цель последних лет моей жизни: помочь бедной Ирине, у которой не только глубокая душевная травма, но в настоящий момент огромные неприятности и по службе в Нац<иональной> Б<иблиоте>ке. Она взяла с сентября там шестимесячный отпуск и поэтому может бывать у меня постоянно. Это очень сложная история, о которой трудно писать и где она отчасти — по существу — права, но формально кругом виновата по отношению к своему начальству. Не будь она одновременно вдова Бориса

³⁵ Сама Лот-Бородина была верующей и с начала 1930-х годов наряду со средневековой французской литературой много занималась изучением византийской теологии и мистики.

Вильде и дочь Ferdinand Lot, то дело могло бы окончиться катастрофически³⁶ (л. 211—212).

Разумеется, мы не беремся обсуждать трудности в отношениях между матерью и дочерьми в семье Лот. Скажем только, что Ирен Лот-Вильде, очевидно, была глубоко травмирована трагической гибелью мужа и связанными с ней обстоятельствами, что наложило печать на ее психику и поведение. Мирра Ивановна Лот-Бородина, судя по ее письмам, была нервной, беспокойной, иногда склонной к самомучительству женщиной, не очень легкой для своих близких. При этом благородная основа личности и матери, и дочери не подлежит сомнению.

Приведем в заключение очень интересное письмо Ирен Вильде Р. Райт-Ковалевой от 30 августа 1970 года, опубликованное последней:

Единственное мое опасение — чтобы Вы не слишком сосредоточились на юности Бориса в Эстонии, где Вы, разумеется, собрали больше всего свидетельств современников. Он уехал оттуда еще совсем молодым, да и тамошняя жизнь ничем не помогла ему стать самим собой. Правда, и во Франции он по-настоящему не нашел бы себя, если бы не война, не чудовищное поражение с «постыдной капитуляцией» и если бы он не включился немедленно в подпольную работу <...> Но не мне указывать Вам на то неизмеримое расстояние, которое он прошел от эксцентрических выходов своей трудной юности в Эстонии до той духовной высоты, на которую он поднялся (цит. по: [Райт-Ковалева 1982: 58—59]).

Настоящая статья никоим образом не имеет в виду «дегероизировать» Бориса Вильде. Подвиг остается подвигом,

³⁶ Ср. в письме от 23 апреля 1957 года: «А потом еще неизвестно, где она устроится — в B<ibliothèque> N<ationale> возврат ее нежелателен, mais elle reste fonctionnaire (но она остается государственной служащей (*франц.*). — Б. К.) и до сих пор получает полное обеспечение по службе — 90 000 фр. в месяц, больше, чем сестры (+ пенсия по мужу, как и у Марианны)» (л. 223).

и герой остается героем. Но жизнь сложна, и едва ли героями всегда становятся «пай-мальчики». Агиография — не лучший жанр историографии, и нам кажется, что нет необходимости создавать житие, даже когда пишешь о герое.

Литература

Варшавский В. С. Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Русский путь, 2010.

Вильде Б. Диалог в тюрьме // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. Париж, 1947. № 2. С. 17–22.

Вильде Б. Дневник и письма из тюрьмы (1941–1942) / Перевод с франц. М. Иорданской. М.: Русский путь, 2005.

Воронова Т. П. К биографии Бориса Вильде (Из архива О. А. Добиаш-Рожественской) // Французский ежегодник. 1973 / Ред. А. Манфред. М.: Наука, 1975. С. 29–33.

Исаков С. Г. Новое о Борисе Вильде // Вышгород. 2004. № 5–6. С. 15–30.

Исаков С. Г. Культура русской эмиграции в Эстонии (1918–1940). Таллин: Aleksandra, 2011.

Каганович Б. Между Петербургом и Парижем. Из переписки М. И. Лот-Бородиной и И. И. Любименко // С.-Петербург — Франция: Наука, культура, политика / Отв. ред. Е. Кальщиков. СПб.: Европейский Дом, 2010. С. 455–473.

Каганович Б. Переписка О. А. Добиаш-Рожественской и Ф. Лота // Одиссей. Человек в истории. 2015–2016 / Ред. А. Чубарьян, С. Луцицкая. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. С. 392–430.

Милютин Т. П. Люди моей жизни. Тарту: Крипта, 1997.

Письма Бориса Вильде к матери / Вступ. ст. и публ. М. Плюхановой, коммент. Л. Киселевой // Труды по русской и славянской филологии. Нов. сер. Т. 4. Тарту, 2001. С. 282–338.

Письма М. И. Лот-Бородиной к И. И. Любименко (1937, 1945–1957) // ПФА РАН (С.-Петербургский филиал Архива РАН). Ф. 885. Оп. 1. Д. 277.

Письма Ирен Лот-Вильде к М. А. Бородиной (1957–1976) // ПФА РАН. Ф. 947. Оп. 1. Д. 77.

Райт-Ковалева Р. Я. Человек из Музея Человека: Повесть о Борисе Вильде // Звезда. 1976. № 6. С. 5–79.

Райт-Ковалева Р. Я. Человек из Музея Человека: Повесть о Борисе Вильде. М.: Советский писатель, 1982.

Рита Райт-Ковалева — Юрий Софиев. «Расскажите мне о Борисе Вильде»: Переписка / Публ. Н. Черновой // Простор. 2004. № 5. URL: <http://archive.li/wSX9K> (дата обращения: 17.04.2015).

Яновский В. С. Поля Елисейские: Книга памяти. М.: Астрель, 2012.

Gide André, Bussy Dorothy. Correspondance. T. 2. 1925—1936 / Ed. de J. Lambert. Paris: Gallimard, 1981.

Gide André, Malaquais Jean. Correspondance (1935—1950) / Ed. par P. Masson et G. Millot-Nakach. Paris: Phébus, 2000.

Hogenhuis Anne. Des savants dans la Résistance. Boris Vildé et le réseau du Musée de l'Homme. Paris: CNRS Éditions, 2009.

Micha A. Mme Myrrha Lot-Borodine (1882—1957) // Le Moyen Age. 1958. T. 64. № 1—2. P. 201—205.

Perrin Ch.-E. Un historien français Ferdinand Lot, 1866—1952. Genève: Librairie Droz, 1968.

Rocques M. Myrrha Lot-Borodine // Romania. 1957. T. 78. № 3. P. 550—551.

Vildé Boris. Dialogue de prison // Europe. 1946. № 5. P. 1—15.

References

Chernova, N., ed. (2004). 'Tell me about Boris Vildé': The correspondence between R. Rayt-Kovalyova and Y. Sofiev. *Prostor*, 5. Available at: <http://archive.li/wSX9K> [Accessed 17 Apr. 2015]. (In Russ.)

Hogenhuis, A. (2009). *Des savants dans la Résistance. Boris Vildé et le réseau du Musée de l'Homme*. Paris: CNRS Éditions. (In French).

Isakov, S. (2004). News on Boris Vildé. *Vyshgorod*, 5-6, pp. 15-30. (In Russ.)

Isakov, S. (2011). *Culture of Russian emigration in Estonia (1918-1940)*. Tallinn: Aleksandra. (In Russ.)

Kaganovich, B. (2010). Between St. Petersburg and Paris. From the correspondence between M. I. Lot-Borodina and I. I. Lyubimenko. In: E. Kalshchikov, ed., *St. Petersburg — France: Science, culture, politics*. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom, pp. 455-473. (In Russ.)

Kaganovich, B. (2017). The correspondence between O. A. Do-biash-Rozhdestvenskaya and F. Lot. In: A. Chubarian and S. Luchits-

kaya, eds., *Odyssey. Man in history. 2015-2016*. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, pp. 392-430. (In Russ.)

Lambert, J., ed. (1981). *André Gide, Dorothy Bussy. Correspondance. T. 2. 1925-1936*. Paris: Gallimard. (In French).

Lot-Borodina, M. (1937, 1945-1957). *The letters to I. I. Lyubimenco*. [letters] St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, Fond 885, inv. 1, file 277. St. Petersburg. (In Russ.)

Lot-Vildé, I. (1957-1976). *The letters to M. A. Borodina*. [letters] St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, Fond 947, inv. 1, file 77. St. Petersburg. (In Russ.)

Masson, P. and Millot-Nakach, G., eds. (2000). *André Gide, Jean Malaquais. Correspondance (1935-1950)*. Paris: Phébus. (In French).

Micha, A. (1958). Mme Myrrha Lot-Borodine (1882-1957). *Le Moyen Age*, 64(1-2), pp. 201-205. (In French).

Milyutina, T. (1997). *The people in my life*. Tartu: Kripta. (In Russ.)

Perrin, Ch.-E. (1968). *Un historien français Ferdinand Lot, 1866-1952*. Genève: Librairie Droz. (In French).

Plyukhanova, M. and Kiseleva, L., eds. (2001). The letters of Boris Vildé to his mother. *Works on Russian and Slavic philology. New series*, 4, pp. 282-338. (In Russ.)

Rayt-Kovalyova, R. (1976). A man from the Museum of Man: The story of Boris Vildé. *Zvezda*, 6, pp. 5-79. (In Russ.)

Rayt-Kovalyova, R. (1982). *A man from the Museum of Man: The story of Boris Vildé*. Moscow: Sovetskiy pisatel. (In Russ.)

Rocques, M. (1957). Myrrha Lot-Borodine. *Romania*, 78(3), pp. 550-551. (In French)

Varshavsky, V. (2010). *The unheeded generation*. Moscow: Dom russkogo zarubezhiya imeni Aleksandra Solzhenitsyna: Russky put'. (In Russ.)

Vildé, B. (1946). Dialogue de prison. *Europe*, 5, pp. 1-15. (In French).

Vildé, B. (1947). Dialogue in prison. *Bulletin of Russian volunteers, partisans and participants of the Resistance in France*, 2, pp. 17-22. (In Russ.)

Vildé, B. (2005). *Diary and letters from prison (1941-1942)*. Translated by M. Iordanskaya. Moscow: Russky put'. (In Russ.)

Voronova, T. (1975). To the biography of Boris Vildé (From the archive of O. A. Dobiash-Rozhdestvenskaya). In: A. Manfred, ed., *French yearbook 1973*. Moscow: Nauka, pp. 29-33. (In Russ.)

Yanovsky, V. (2012). *Champs-Élysées: A book of memory*. Moscow: Astrel. (In Russ.)

‘Steppenwolf’

Towards the biography of Boris Vilde

DOI: 10.31425/0042-8795-2018-4-363-385

Boris S. Kaganovich

Doctor of Historical Sciences

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences
(7 Petrozavodskaya St., St. Petersburg, 197110, Russia;
email: amabor@mail.ru)

Abstract: Numerous works have been written about the young Russian émigré writer Boris Vildé (1908–1942), a late hero of the French Resistance, who was executed by Nazi occupants. Descriptions of his personality are often contradictory, and each account is very precious. The article introduces and examines new, hitherto unpublished material about Vildé: it includes the letters of his wife’s mother Myrra Lot-Borodina, a famous French scholar of religions and philologist of Russian origins, to her sister, the Leningrad-based historian Inna Lyubimenko, from the Petersburg archive of the Russian Academy of Sciences. The letters provide a number of unique and valuable facts and observations about Vildé and his personality. Another discovery for the studies of Vildé, the correspondence between the famous French author André Gide and his friend, the translator Dorothy Bussy, is quoted to enrich our knowledge about Vildé. It follows that A. Gide took Vildé under his wing and actively supported his relocation from Germany to France. As a result, far from resembling his stereotypical and slick image, Vildé is revealed as an extraordinary and heroic person.

Keywords: B. Vildé, I. Lot-Vildé, the Lot family, Russian emigration, the French Resistance.

The article was received on 18 Nov. 2017.